

поэтики гоголевских «Вечеров» и «Миргорода», своеобразно обновленные и переработанные писателем в «Тарасе Бульбе» в народно-эпическом духе приемы исторической повести и романа 30-х годов, равно как и та форма остро-драматической социально-психологической новеллы из жизни большого города, которой писатель воспользовался в петербургских повестях «Арабесок».

Однако в период работы над «Ревизором», как уже отмечено выше, в поэтике гоголевского творчества намечается перелом. В отличие от двух своих первых неоконченных комедий — «Владимира III степени» (1832—1833) и «Женихов» (1833—1834), построенных на традиционном бытовом материале, — Гоголь в «Ревизоре» ставит своей задачей, по собственному признанию, «собрать в одну кучу все дурное в России» (VIII, 440). Это приводит Гоголя к новой для него форме комедии, в которой анализ картины «частной» жизни и нравов общества перерастает в анализ всего государственного организма самодержавно-крепостнической России. Это новое, более широкое и глубокое, содержание гоголевской сатиры потребовало от писателя пересмотра ряда установившихся, шаблонных представлений о задачах комедии и традиционных приемах ее построения. Результатом этого пересмотра явилось изменение отношения драматурга к русской комедии XVIII в.

В отличие от своих более ранних комедий Гоголь в финале «Ревизора» как бы сознательно подчеркивает свою связь как драматурга с традициями русской комедии XVIII в. Появление жандарма в конце комедии, приехавшего расследовать злоупотребления городничего и других чиновников, подчеркивает мысль комедиографа о том, что те преступления, которые он казнит в своей пьесе, являются не только нравственными преступлениями героев, за которые они ответственны перед самими собой или перед другими, непосредственно окружающими их людьми, но и их преступлениями перед страной и государством, перед русской землей. Вместе с тем этот финал, при всем своеобразии трактовки Гоголем темы государственной «вины» и «наказания» чиновников, перекликается с финалом «Недоросля» Фонвизина и «Ябеды» Капниста. В свойственном русской комедии XVIII в. высоком представлении об общественном и государственном долге и об ответственности каждого отдельного человека перед государством как целым Гоголь открывает нечто близкое новым эстетическим и моральным идеалам, складывающимся у него к середине 30-х годов. Отсюда и оригинальное, творческое обновление им традиционного финала комедий XVIII в., подчеркивающего эту ответственность.

В «Театральном разезде после представления новой комедии» (1842) и позднее в статье «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность» (1845—1847) Гоголь теоретически обосновал мысль о преемственности задач русской драматургии XVIII и XIX вв., которая получила отражение в финале «Ревизи-